

П О Э З И Я

Дмитрий Бобылев

С Т В О Р К И

И смысл полуబезмолвных этих слов,
где о любви не сказано ни слова,
не в том ли, что смиренье и любовь
их суть и речевая их основа?

А те сидят у печки. И опять
забота проступает сквозь премоту –
она ему: "Ложись-ка, милый, спать",
а он: "И то. Ведь завтра на работу".

Январь 1964

ЧТО-ТО ЛЕПЕЧЕТ

Что-то лепечет листва верховая –
это ночной Велимир, колоброд,
так выдыхает свои волжованья...
Так, что изнанкой навыворот – рот!

Чуешь, и чувству такому не веришь,
но по вершинам идет, налегке...
Наш коренной председатель и первши.
Только стихи шевелятся в мешке.

В них разливаются чудью озерной
меря да кривичи с весью лесной.
То неразвернут язык, то разорван –
странный опасный, чудной, озорной.

Вместе – не каждым листком или словом –
общей листвой древлян и древес,
ясенной вязью и маслом еловым
скульчи черемит, шалит, куролес.

Как из ручейного бучила – вычур,
свири саранчевую, птицын чирик –
прямо живьем, целиком закавычил
пращура – в свой беловой черновик.

Но не дремуч - лишь юродив и странен;
так и велит повернуть и не ждать
бывший на нашей земле будетлянин:
- В путь - сквозь было - за будущим - вспять!

А упредят гравитные зерна
в нужную смерть - через прошлое - зов! -
что ж! И предтече отстать не зазорно
от воскрешателя мертвых отцов.

Общее дело листы - облетанье...
Страшно сказать, но земля все рошней;
Все обитающей в ней стала тайна:
труд сокровенных и сладких корней.

Январь 1977

ЛЮБОЙ ПРЕДЛОГ /ВЕНЕРА В ЛУЖЕ/

Зрит ледяное болото явление светлой богини...
Пенорожденная - вниз головою с небес
в жижу торфяно-лилейную под сапоги мне
кинулась, гривой серебряной, наперевес.

Бедная! Белая - в рытвинах грязной она отразилась...
Видно, и в самой ледающей из наших дорог -
лишь бы вела! - с ней замешана общая милость
нижнему озеру Вялью и острову Милос,
и пригодится для чуда любой завалящий пречлог.

Вот и гляди в оба глаза на мокрые плоские глади;
чахлые сосны, коряга застрыла как хряк,
да лесопилка сырья все чиркает сзади;
в кучу слежались опилки, и бутка на складе
в серых подтеках глядит - отвернись от меня, Бога
ради!
Это ведь родина. Что же ты плачешь, дурак!

Ноябрь 1967

х х х

Евгению Рейну

Крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов, сидящих
в такой же точно позе на другом
конце моста и на Него глядящих
такими же глазами.

Львинный пост.

Любой из них другого, а не мост
удерживает третью существо,
а на две трети сам уже собрался,
и, может быть, сейчас у края рва
он это отжившее братство
покинет.

Но попарно изо рта
железо напряженного прута
у каждого из них в цепную нить
настолько натянуло звенья,
что, кажется, уже не расцепить
скрепившиеся память и забвенье,
порыв и неподвижность, верх и низ,
не разорвав чугунный организм
противоборцев.
Только нежный сор
по воздуху несет какой-то вздор.

И эта подворотенная муть,
не в силах замутить оригинала,
желая за поверхность занырнуть,
подчеркивает зеркало канала
нечистым отраженьем.

Над рвом
крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов напротив:
в их неподвижно гневном развороте,
возможно, даже ненависть любя,
он видит повторенного себя.

Март-апрель 1964

30.

ОБЛАКА

Сергею Зубковскому

Гляди почаше вверх и выше
на облаков небесных тиць,
гляди наверх, и ты увидишь,
как неподвижно ты стоишь.

Как неподвижная плащета
непостижимо велика, ..
и в тишине над нею где-то
плынут, проходят облака.

Над замогущими полями,
над замирающей землей
они плавут над всеми нами,
у всех у нас над головой.

Стоят мосты и часовые,
и от штыка не прогнёт тень,
стоят пути полосовые, ..
на полустанке дремлет день.

Стоят станки в своей работе,
стоит, глядит в себя завод,
застывши в утренней зевоте,
стоит спешащий к ним народ.

Сидят на лавочках деревни,
лежит в излучинах река,
стоят отдельные деревья,
их обтекают облака.

Вдоль человеческой надежды
ведет, ведет куда-нибудь ..
из дней пропавших, лет ушедших
в годы грядущие их путь ..

Стоят деревья, горы, годы,
течет небесная река, ..
стоят дела, стоят народы,
плывут над ними облака.

С поклажей света и прохлады
плывут вдоль жизни, вдоль земли
огромно-тиные фрегаты,
свободных далей корабли.

Они плывут, не разбирают
широт, долгот, веков, часов...
И ветер вечности вздыхает
строй белоснежных парусов.

Май 1963

/Люди, 2./

Иосифу Бродскому

Жизнь достигает порой
такой ужасительной плотности,
что лицо разбивается в кровь
о кулак ее милости, скорости, святости, пощады,
крутизны,

Попроси, и расскажут тебе
летчик, гонщик, погонщик коней и ныряльщик —
может выломать руку в локте
многотонного воздуха ящик
с жутким свистом мимолетящий.

Только ночью, себя от него отделив одеялом,
ты лежишь, семикрыл,
рыжеват, бородат, космоват,
и не можешь понять, кто же ты — серафим или дьявол?
Основатель пустот?, чемпион?, идиот?, космонавт?

Февраль 1964

Х Х Х

Моя свобода и твоя отвага —
не выдержит их белая бумага,
и должен этот лист я замарать
твоими поцелуями, как простынь,

и складками, и пеплом папиросным,
и обещанием имен не раскрывать.

1962

В РУКИ Н.Н.

Возничему горящей колеснице
скорее бы с конями затонуть,
спаси бы их, вогнав в канал по грудь,
да застревают ступицы и спицы, —
сквозь фонари созвездью не пробиться,
все блески отбивает ртуть.

И зеленит она дома и мост,
малюет арку, в ней трубу, как кость
рисует, как и есть она, с натуры,
одним пятном наносит две фигуры,
ближает лица косо, как пришлось,
и гонит искры вдоль волос
в каштановой короткой буре.

Но вот уже, глаза притворно щуря,
хоть не пугает их прямая страсть,
волнением насытясь власть,
ОНА смеяется жесткие ресницы,
и взору в эти цепи не пробиться,
и не сдержать ЕМУ узду и власть,
как с сердцем, оборвавшим счастье,
не совладал возничий колесницы.

3 октября 65

БЕЛОЕ И ГОЛУБОЕ

Она белела именем своим,
и, стало быть, прожекторная рана,
которой темный берег был язвим,
так мучила меня светло и странно,
как это имя самое — Светлана.

Светлане льнули: пыльный мостылек
и гладкое барахтанье дельфина,
и визги птиц, и я сказать бы мог —
весь темно-синий с золотом ченек, —
но тут прошла другая половина,
и ею ведала уже Марина.

Марина все дела щелила вдоль,
расчесывала их светло и длинно
при том, что даль в лице зевала львино,
при том, что в нас, обглядывая соль,
свободная потягивалась боль, —
все вымывала взорами Марина.

Мариной, крутизной, голубизной
наполненный, шатался воздух пьяно,
и слаломная качка акваланга
как бы перелопачивала зной, —
и в доску разогретою сосновой
прохлада стлалась, — и была Светлана.

Освойла она морской фасад
и пенную маринину лепнину.
Марина — многоярусный закат
приноровила. И тридцатикрат
перешумело все...
Те ни уже не вызволить назад,
не вызвать ни Светлану, ни Марину.

Август 1967

х х х

Посвящается $\checkmark\checkmark\checkmark$

Тебя, тоскуя о твоей пропаже,
наставница ребячая, ничья,
не нахожу в промышленном пейзаже, —
и заживо мертвает жизнь моя.

На фоне видуака и сарая,
идешь ты, силой нежною пыша,

и тут я поражаюсь: вот какая,
оказывается, моя душа!

Ты на глазах творишь себя, как чудо,
и сходятся мгновенные черты
с чертами абсолютными — оттуда.
Я — за тобою. Но зачем здесь ты?

Чтоб укорить несовершенство края,
одною только зрямостью греша?
Чтоб нагляделся я: вот ты какая,
оказывается, моя душа!

Бывают в этой сплошности прорывы
туда, где свет, — оттуда, где склады...
В мистическом едином теле живы
мы были бы. Но врозь ведут следы,
тебя от перекрестья отвлекая.
А мне бы все глядеть, как хороша,
и все не наглядеться мне, какая
моя и не моя уже душа.

сент.-окт., 1972

х х х

В груди гудит развал,
а память — скромница.
Да это кто ж сказал,
никак не вспомнится!»

"Христианин мой дух,
душа — язычница.
За несогласье двух
с меня не взыщется"?

Такому должно тлеть
в стихах у Наймана.
Принадлежит на треть
обоим нам оно.

Да, это быть могло
у друга-братика, —
я узнаю стилю.
Его ли практика?

Ну, так она — юичья...
Но прежде — Ардову
ее отнес бы я
вот с этой правдою:

— Дышать невозмоготу!
А что причиной?
— Не обручить чету
неразлучимую.

Дух одержим отним,
душа — капризница.
И не расстаться им,
но и не сблизиться.

Он — мистагог, монах,
почти — у вечности,
Она во временах,
увы,увечится.

И все же суть ея —
зиянье трещины
по нем — крестом. А я —
как непокрещенный.

В груди разгул, развал...
Лишь память мучаю —
кто ж так умно сказал,
и прямо к случаю:

"Христианин мой дух,
душа — язычница.
За несогласье двух
с меня и взыщется"?

/Медитации, 3/

Не отрицаю; знаю, — не постоян...
А сердце льется в тихую зарю,
и плавлюсь я, говою и горю,
среди кристально-ясного Настоя
страданье вызываю золотое,
и ужасаюсь, и благодарю.

Да, в центре, у края на краю
страшит зрачок, сведенный, склонный,
впуская мириады, океаны
Твоих сверканий, Свете, мой Царю,
и я зарю за цвет благогарю,
за раны в созерцаемом сияньи.

За то, что изумительно слияны
и зло, и благо; что каратом гвоздь
в незримую зиждительную Горсть
и — палее — в мои проник изъяны;
что муку вижу я как бы из ямы,
но высвечен до сердца и насквозь.

И вдоль извоев зрея, томщу свойств
пронизывая скрытыми путями,
нисходит луч светящимся питаньем...
В глубины глаза, по животных звезд
и тканых средостений — вперехлест,
единым пульсом пусть бы трепетали

с зарей, ломимою прозрачным испытаньем!
Столпами сокровенными зари
от крестных единений изнутри
из полуклетки в полуслово прорастая,
блестая, занялась в груди живая Тайна,
открыто-золотая; ведай, зри!

И, зрея новое беря в поводыри,
леди изломами целебного простора
туда, где молочая вечность свет простерла.
Там, Душа Всеблагий, благое сотвори:

возьми частичей в тело чистое зерн!
Смели мои слова в молчание простое,
смати всю ткань в пустые словари,
и да раскроются ребристые устом...

Уста серебряные... Слово золотое...

Март 75